

Русская литература

№ 1

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

1990

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Д. С. Лихачев. Закономерности и антизакономерности в литературе	3
Е. Н. Купреянова. Гоголь-комедиограф (публикация В. Е. Ветловской)	6
В. И. Мельник. И. А. Гончаров в полемике с этикой позитивизма (к постановке вопроса)	34
Анна Тамарченко (США). Драматургическое новаторство Михаила Булгакова	46

ИЗ НАСЛЕДИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Игорь-Северянин. Ручьи в лилиях. Поэзы 1896—1909 годов (публикация В. А. Кошелева)	68
К. Ю. Лаппо-Данилевский. Глеб Струве — историк литературы	99
Г. П. Струве. Журналы русского зарубежья	108

ФОЛЬКЛОРИ СОВРЕМЕННОСТЬ

Т. А. Новичкова. Два мира — земной и космический — в современных народных легендах	132
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Е. Г. Водолазкин. Всемирная история в духовном мире древнерусского книжника (к вопросу литературного освоения Хроники Амартола)	144
Г. И. Ганзбург. К истории издания сочинений Елизаветы Кульман	148
Р. Г. Назарьян, М. Г. Салупере. Эстонские страницы биографии В. К. Кюхельбекера	156
К. А. Кумпан. История издания поэтического сборника Вяземского «В дороге и дома»	164

Г. М. Фридендер. Достоевский в оценке Хосе Ортеги-и-Гасета	172
И. А. Битюгова, И. Д. Якубович. Неизвестное письмо Достоевского к Н. А. Любимову, посвященное «Братьям Карамазовым»	177
С. А. Рейсер. Н. С. Лесков и народная книга	181
О. В. Евдокимова. Н. С. Лесков и Ф. И. Буслаев	194
О. А. Кузнецова. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (обсуждение доклада Вяч. Иванова)	200
Ю. Л. Кроль. Об одном необычном трамвайном маршруте («Заблудившийся трамвай» Н. С. Гумилева)	208
Э. Ф. Голлербах. Из воспоминаний о Федоре Сологубе (публикация М. М. Павловой)	218
М. В. Безродный. Об одной подписи Алексея Ремизова	224
В. В. Перхин. Два письма Андрея Платонова	228
В. Н. Запевалов. О судьбе шолоховского архива	232

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. А. Грякалов, Ю. Ю. Дорохов. От структурализма к деконструкции (западные литературно-эстетические теории 70—80-х годов XX века)	236
П. Е. Бухаркин. Первый том нового словаря русских писателей	249

ХРОНИКА

С. Покровская. Всесоюзная научная конференция «Анна Ахматова. Труды и дни»	256
Е. А. Голлербах. Ахматова, Голлербах, Лукницкий (по поводу одной публикации в «Нашем наследии»)	262

Редакционная коллегия:

Н. Н. СКАТОВ (и. о. главного редактора),
В. Н. БАСКАКОВ, *Г. Я. ГАЛАГАН* (зам. главного редактора), *А. А. ГОРЕЛОВ*,
Г. А. ГОРЫШИН, *В. Я. ГРЕЧНЕВ*, *Н. А. ГРОЗНОВА*, *Л. А. ДМИТРИЕВ*, *Б. Ф. ЕГОРОВ*,
А. И. ПАВЛОВСКИЙ, *А. М. ПАНЧЕНКО*, *В. А. ТУНИМАНОВ*, *С. А. ФОМИЧЕВ*,
Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Отв. секретарь редакции *М. Д. Кондратьев*

Адрес редакции: 199034, Ленинград, наб. Макарова, д. 4. Тел. 218-16-01

К. А. Кумпан

ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА ВЯЗЕМСКОГО «В ДОРОГЕ И ДОМА»

Судьбу единственного прижизненного поэтического сборника П. А. Вяземского «В дороге и дома» (М., 1862) нельзя назвать счастливой. Вызвав несколько едких пародий в сатирических журналах 1860-х годов, это собрание избранных стихотворений было прочно забыто. Среди поредевшего круга друзей и почитателей поэта оно возбудило лишь недоумение и досаду. «Неужели все богатство этого таланта, все разнообразие ума, искренность, благородство должны были привести к такому концу», — грустно констатировал свое впечатление от книги один из них.¹ Безжалостней всех отнесся к сборнику сам Вяземский, записавший 15 июня 1878 года на титульном листе авторского экземпляра: «Тяжело и скучно, и неловко держать книгу в руке».²

В чем же причина неудачи этого издания? В последние годы жизни Вяземский склонен был всю вину возложить на издателя. «Участия в этом издании не принимал, был за границею и хандрил, предоставляя Лонгинову выбирать и печатать, что хочет, — записал он в 1878 году на сборнике. — Кажется, только на второй, если не третий год увидел я книгу свою».³ Менее категорично, но в том же роде излагается история издания в автобиографическом введении к Полному собранию сочинений поэта: «Оно

составлено по почину и главному распоряжению покойного Лонгинова. Я был тогда за границею по болезни моей и, признаюсь, остался довольно равнодушен к исходу этого предприятия. Вполне благодарен я ему за труд, добросовестно и с умением им исполненный; но скажу откровенно, что я не совершенно согласен с ним относительно выбора его из моих стихотворений. Иного не внес бы я в избранное собрание, другое, как, например (исчисляю их по памяти): „Уныние“, „Первый снег“, „Послание к Денису Давыдову“ и некоторые другие стихотворения, по сочувствию моему, имели бы более права на перепечатание, нежели другие, попавшие в книгу».⁴

Эти авторские свидетельства легли в основу установившегося в науке мнения о текстологической неавторитетности сборника. Включенные в него тексты во внимание не принимались и печатались по предшествующим ранним публикациям, а за отсутствием их — по рукописям в архиве поэта. Между тем ряд вновь обнаруженных материалов заставляет пересмотреть вопрос об участии поэта в подготовке книги. Среди них в первую очередь отметим указание П. И. Бартенева, человека близкого к изданию, научная добросовестность которого не позволяет заподозрить его в пристрастности. «Это из-

дание *autorisé par l'auteur*, — сообщал он Я. К. Гроту в письме от 10 ноября 1862 года. — Он (автор. — К. К.) сам занимался выбором и расположением стихотворений, и потому многое опущено прекрасного и помещено слабого».⁵

Ответ на вопрос, кто был повинен в неудачном составе сборника, следует искать в истории его издания, а для ее реконструкции — обратиться к архивным материалам, до сих пор не привлекавшим внимание исследователей.

* * *

Выходу в свет сборника «В дороге и дома» предшествовали торжества по случаю пятидесятилетней годовщины литературной деятельности Вяземского. Они состоялись 2 марта 1861 года. Выступавшие на юбилее с приветственными речами Д. Н. Блудов и Я. К. Грот упомянули о необходимости издать, наконец, полное собрание сочинений поэта, чьи произведения до сих пор «лежат под спудом», неопубликованные или разбросанные в малодоступных для современного читателя изданиях. Сам Вяземский в ответной речи заметил, что «предстал» перед собравшимися «без документов налицо, без полновесных книг и книжек».⁶

Обстоятельство это действительно вызывает недоумение. Дожив почти до семидесяти лет, пятьдесят из которых были посвящены литературному труду, поэт не успел не только подготовить собрание сочинений, но и выпустить хотя бы один объемный поэтический сборник. Нельзя сказать, чтобы он совсем не думал об этом. В письмах Вяземского и в переписке его друзей зафиксировано несколько попыток поэта собрать и издать свои стихотворения. Об издательских замыслах свидетельствует и множество подборок стихотворных текстов (иногда уже в виде готовых рукописных сборников), сохранившихся в Остафьевском архиве. Однако ни одно из этих предприятий до конца доведено не было.

В преддверии будущего юбилея два крупных библиографа того времени — приятель Вяземского С. Д. Полторацкий и почитатель его поэзии М. Н. Лонгинов — предложили поэту «возложить» на них издание полного собрания его сочинений. «Благоволите сообщить нам... собранные Вами материалы, которые дополняются нами, — писали они Вяземскому 20 августа 1856 года. — Позвольте нам составить программу издания и представить все, нами собранное, на Ваше рассмотрение. Наблюдение за печатанием и корректурой мы тоже готовы принять на себя».⁷

Однако и это конкретное предложение не возымело последствий: долгие подступы и промедления сопровождали все издательские начинания Вяземского. На этот раз его бездействие выглядело особенно странным, поскольку большая библиографическая работа по сбору опубликованных стихотворений была уже проведена. Мы имеем в виду хранящиеся в фондах Вяземского три объемистые тетради рукописных ко-

пий, составленные В. И. Межовым и датированные 1855 годом.⁸ В них собраны стихотворения поэта, напечатанные в журналах, газетах, альманахах и сборниках 1810—1850-х годов.

Так или иначе, но до юбилейных торжеств никакого издания стихотворений Вяземского осуществлено не было. Как известно, чествование поэта вызвало отклики в журналах либерального и радикального направления, содержавшие сатирические высказывания в адрес юбиляра. Не в пользу Вяземского трактовался и тот факт, что произведения его остались почти неизвестны публике. «А насчет сокровищ, лежащих под спудом, — иронически заметил обозреватель «Русского слова», — можно только сказать одно: да кто же им велит оставаться под спудом?.. Такие сокровища, как ум, талант и образованность, не остаются в тени, как бездарность и невежество».⁹

Первым в защиту поэта выступил М. Н. Лонгинов, который в обширной статье «Из современных записок» обрушился на критиков за небрежение культурными традициями, или, как он выразился, «литературной генеалогией».¹⁰ Выступление Лонгинова вызвало новую волну полемических откликов. Откликнулся на нее и Вяземский — письмом к критику 12 мая 1861 года. В нем кроме слов благодарности содержалось, наконец, и конкретное предложение стать его издателем. «В течение лета надеюсь быть в Москве и еще раз лично поблагодарить Вас за Ваши великодушные обо мне подвиги, — писал он. — Между тем надеюсь привезть с собою и тетрадку стихов, которую отдам в Ваше распоряжение и которую можно будет издать отдельно и предварительно в виде закуски перед обедом, если суждено моему обеду состояться при мне...»¹¹

Итак, решение поэта издать сборник стихотворений, возникшее в разгар полемики вокруг его поэтического наследия, диктовалось, по счастливому выражению Лонгинова, желанием самому выступить «адвокатом в своем деле».¹²

Встреча Вяземского с будущим издателем состоялась довольно скоро. «Возвратился из Москвы», — пометил поэт в записной книжке под 16 июня 1861 года.¹³ О совместной его работе с Лонгиновым в этот приезд в Москву дают представление некоторые документы, сохранившиеся в архиве издателя.

Прежде всего это большое количество автографов и авторизованных копий, которые Вяземский привез с собой. Частично они рассыпаны (в виде небольших подборок или отдельных стихотворений) в различных единицах лонгиновского фонда, но большая часть авторизованных копий влита издателем в объемную рукопись, которая в каталоге озаглавлена «Оригинал книги П. А. Вяземского „В дороге и дома“».¹⁴ Копии в подборке сделаны в разное время, разными почерками, на разных по формату листах бумаги, иногда имеют ранние даты цензурных разрешений, но, судя по пометам Лонгинова для наборщиков, эта единица представляет собой наборную рукопись книги с небольшими лакунами.

Папка с наборной рукописью открывается листами большого формата, вложенными в нее позже. Так, например, сюда попал титульный лист, на котором каллиграфическим почерком выведено: «Стихотворения кн. Вяземского», а сверху рукою самого поэта помечено: «Нумерация от 1 до 67». Судя по всему, перед нами титульный лист самой ранней подборки текстов, с которой начал складываться сборник. Установить ее состав удалось благодаря сохранившимся на авторизованных копиях (в Лонгиновском фонде) следам стертых номеров (от 1 до 67), сделанных тем же корявым старческим почерком Вяземского, что и процитированная запись на титуле.

Первоначальная подборка состояла из шестидесяти шести стихотворений, отбор и расположение которых сделаны без всякой системы и плана. Большинство из них представлено неопубликованными текстами «позднего» Вяземского: пейзажной и медитативной лирикой и стихотворными фельетонами, направленными против «обличительной литературы». Лишь четырнадцать стихотворений в подборке относятся к 1820—1830-м годам. Среди них преобладают тексты на «дорожную» тему — две «Тройки», «Коляска», «Прогулка в степи», три «Дорожные думы» и «Памяти живописца Орловского»; впрочем, сюда попали и стихотворения иного содержания: «Балтийское видение», «Море», «Нарвский водопад», «Звезда на Волге», «Черные очи», «Дружеская беседа». Следует особо отметить, что из всей поэзии 1810-х годов Вяземский привез в Москву только одно стихотворение — «Ухаб», вероятно выбрав его по «дорожному» признаку. Ни «Первого снега», ни «Уныния», ни послания «Д. В. Давыдову», в отсутствие которых поэт упрекал Лонгинова, сам он включать в сборник не собирался. Зато кроме указанной подборки он захватил с собой большое количество поздних стихотворений, автографы которых были у него под рукой.

Ориентируясь на все эти тексты, переданные автором в распоряжение издателя, последний набросал первоначальный план книги, который сохранился в той же папке с наборной рукописью. Это большой двойной лист, содержащий следующую запись рукою Лонгинова:

Дневник

Россия

Степью 2

Полтава. — Очерки Москвы.

Море — и все, что к морю. — Рыбак

Стамбул — На Босфоре

Прага

Италия, Венеция, Ницца.

Германия

Швейцария

Таким образом, поначалу Лонгинов предлагал назвать сборник «Дневник», разбить материал на отделы («Россия», «Море» и т. д.) и дополнить подборку несколькими стихотворениями из привезенных поэтом в Москву (два

под заглавием «Степью», «Полтава», «На Босфоре»)¹⁵

Вероятно, к этому времени относится недатированная записка Вяземского Лонгинову, написанная карандашом на клочке бумаги и хранящаяся среди других писем поэта в архиве издателя: «Благодарю и разрешаю. Я предлагаю назвать „В дороге и дома“. Впрочем, все равно». На лист же с предварительным планом Вяземский вписал, в соответствующие места, заглавия двух частей книги: «В дороге» (перед названием первого отдела — «Россия»), «Дома» (под последним — «Швейцария») и ниже — заглавие отдела второй части: «Заметки». Внизу поэт пометил: «По нумерации здесь всего 67», что говорит о просмотре им (одновременно с доработкой плана книги) первоначальной подборки. На ее листах сохранились авторские указания о помещении текста в тот или иной раздел, сделанные тем же карандашом, что и пометы на плане. Так, на авторизованной копии «Коляски» он пометил: «вместо предисловия», на текстах стихотворений «Черные очи» и «Горе» — «дома», на копии «Моря» и «Звезды на Волге» — «Россия», на стихотворении «Горы под снегом» — «Швейцария», на копии стихотворения «Старость» — «заметки» и т. д. В верхней части плана поэт, обращаясь к издателю, написал: «Восток дополнить из маленькой книжки. Также вставить в состав и напечатанное в Карлсруэ». Речь идет о шести стихотворениях, автографы которых вошли в привезенную Вяземским небольшую по формату рукописную книжечку,¹⁶ и о двенадцати текстах, опубликованных в брошюре «За границею» (Карлсруэ, 1859). Очевидно, Лонгинов выполнил указание Вяземского и вложил в подборку автографы, а под авторской пометой об объеме приписал: «дополнено до 80». Помета автора для издателя свидетельствует не только о тенденции расширения объема книги, но и о дальнейшей доработке ее структуры. Отдел «Море» Вяземский заменил отделом «Восток». Таким образом, первоначальный план книги, разработанный совместными усилиями автора и издателя, приблизился к структуре сборника «В дороге и дома». Напомним, что печатная книга имеет две части, первая из которых, под заглавием «В дороге», состоит из шести отделов («Россия», «Восток», «Германия», «Швейцария», «Италия», «Франция и Англия»), а вторая — «Дома» — из двух: «Разные стихотворения» и «Заметки».

Следующий документ, сохранившийся от совместной работы Вяземского и Лонгинова в Москве, — список стихотворений,¹⁷ содержащий уже 128 текстов. Он имеет авторское заглавие «В дороге и дома» и карандашную помету неустановленной руки: «Порядок, в котором сложены стихотворения (нужно пронумеровать, как они должны следовать одно за другим в печати)». Можно предположить, что помета сделана под диктовку Вяземского и адресована Лонгинову. Список этот интересен тем, что фиксирует почти все рукописные тексты, привезенные поэтом в Москву в первый приезд. Три названия взяты здесь в скобки. Стихо-

творения эти не вошли в книгу и не осели в архиве Лонгинова; возможно, тексты их сразу были вынуты Вяземским из подборки. Не вошли в книгу и три «заметки», которые в указанном списке не имеют никаких значков. Однако на авторизованных копиях этих стихотворений сохранились карандашные пометы типа: «Я бы этой пьесы не поместил в собрание» (рукою Лонгинова) и рядом ответ Вяземского: «Согласен».¹⁸ Вероятно, издатель вынул их из подборки позже, но изъятие это также было одобрено автором.

И, наконец, тогда же Лонгиновым был составлен еще один список — проект «Оглавления», экземпляр которого сохранился в архиве поэта.¹⁹ Судя по переписке издателя с Вяземским, проект не был предварительно согласован с автором. Состав сборника, отраженный в этом «Оглавлении», и его композиция близки к окончательному варианту книги, поэтому вопрос о степени участия поэта в отборе перечисленных здесь стихотворений важен для решения проблемы авторизации сборника «В дороге и дома».

В указанном проекте «Оглавления» зафиксировано уже 174 названия. 122 из них — это разнесенные по окончательно установленным рубрикам стихотворения предыдущего списка (в отборе их, как мы отмечали, поэт принимал непосредственное участие). Он дополнен в основном печатными текстами. Четыре «новых» названия Лонгинов повторил на обороте последнего листа «Оглавления» («Послание к Блудову», «Берлин», «К Иванову», «Северину»); судя по письму издателя (см. ниже), Вяземский обещал прислать эти тексты из Петербурга. Из оставшихся 48 «новых» стихотворений 21 включено в этот список в соответствии с письменными указаниями поэта: двенадцать из них взяты из брошюры «За границею», а к девяти имеются авторские пометы на межовских копиях типа: «Внести в Дорогу, Рим».²⁰ Пять стихотворений нового списка были привезены поэтом в Москву (автографы их осели в лонгиновском фонде): можно предположить, что они не попали в предыдущий список по недоразумению.

Иначе говоря, лишь относительно 22-х ранее опубликованных стихотворений мы не располагаем предварительными санкциями Вяземского. Скорее всего, введение их в состав сборника было оговорено в устной форме. Но даже если полагать, что издатель проявил здесь самостоятельность и включил эти стихотворения по собственной инициативе, — все равно в дальнейшем наличие их в «Оглавлении» не вызвало несогласия автора. Только против названия «Поручение в Ревель» (издатель поместил это стихотворение в части «В дороге») Вяземский на проекте «Оглавления» пометил: «Не нужно, да оно как поручение и некстати, потому что писано на месте».

Итак, во время первой поездки в Москву поэт дает название будущему сборнику, совместно с издателем вырабатывает его структуру и отбирает тексты (171 стихотворение указанного списка вошло в сборник, состоящий из 189 текстов). Проведена была и доработка мно-

гих стихотворений, о чем свидетельствует «свежая» авторская правка на старых копиях в архиве Лонгинова. Однако работа эта осталась незавершенной. В папке с наборной рукописью имеется несколько листов, озаглавленных «Заметки», на которые издатель выписал не выправленные автором сомнительные места в текстах. Иногда это ошибки копииста (неверное прочтение слов, пропуск стихов), о чем сигнализирует нарушение смысла или отсутствие рифмы, иногда — архаические и неловкие синтаксические конструкции, иногда — пометы о нарушении ритмического рисунка стихотворения. Выписки эти были сделаны явно для облегчения работы Вяземского, но поэт исправил на них лишь описки копииста, а более серьезную доработку текстов не сделал. Вероятно, он предполагал вернуться к этим стихотворениям более детально.

О последующей работе над сборником дает представление переписка автора с издателем. Уже через четыре дня после отъезда Вяземского из Москвы, 19 июня, Лонгинов посылает поэту письмо, в котором пишет: «Я кончил работы над рукописями, вверенными мне Вами, и спешу сообщить Вам о результате моих занятий. 1) Все рукописные стихотворения или переписаны (на особом листе каждое), или состоят налицо в переписанных у Вас еще прежде экземплярах. То, что было Вашей руки, я переписал сам. 2) И то и другое разложено в том порядке, который принят в проекте находящегося у Вас («Оглавления»). 3) Текст проверен и исправлен совершенно, согласно с Вашими поправками и отметками. При этом исполнена и работа „установка кывок и строчных препинаний“. 4) Текст пьес, прежде напечатанных, я решил перепечатать по книгам, где они помещены». Отметим, что последняя фраза объясняет наличие лакун в наборной рукописи: опубликованные стихотворения, копии которых не были привезены Вяземским, издатель набрал прямо по печатному источнику.

Далее в этом письме Лонгинов просил позволения снабдить тексты «примечаниями издателя» и присовокуплял следующие просьбы: «Прилагаю при сем листок с объяснением недоумений, которые мне встречались. Усердно прошу Вас отметить на нем же: просто — согласен, — где Вы согласитесь, или же вписать поправку и возвратить мне тот листок скорее, так же как и доставить пьесы: „Берлин“, „Послание к Д. Н. Блудову из Парижа“, „К Северину“ и „К Иванову“. Много обяжете, если не замедлите с присылкой и других обещанных новых стихотворений. Я их размещу и приступлю к делу, для чего мне нужно еще скорейшее утверждение Вами проекта оглавления или возвращение его с Вашими окончательными поправками. Вот еще одна наипокорнейшая просьба: пришлите мне на время все собрание Ваших стихотворений, списанных г. Межовым. Это мне очень нужно; я скоро в целости их возвращу. . .»

Укажем попутно, что тетради Межова Вяземский высылает две недели спустя, 2 июля.²¹

Перед отправкой поэт просмотрел отобранные тексты и сделал на них небольшую правку (она не была учтена Лонгиновым). Что же касается списка «Оглавления», а также упомянутых в письме стихотворений и листка с предполагавшимися исправлениями, то их поэт не высылает совсем. Последний сохранился в архиве поэта. Это — повторение недоработанных Вяземским в Москве стихов, рядом с которыми Лонгинов записал свои варианты правки («объяснение недоумений»). Никаких помет Вяземского на этих листах нет.²²

Ответное письмо поэта датировано 24 июня. Автор с некоторыми оговорками одобряет введение раздела примечаний, а относительно состава сборника и состояния текстов пишет следующее: «На многие поправки Ваши я совершенно согласен. Не замедлю прислать по каждой мое: „быть по сему“. Теперь есть еще некоторые нерешенные недоумения. Вообще мне нужно будет пересмотреть некоторые из стихотворений, и особенно из старых. В голове уже готовы легкие изменения, тем более приличные, что тогда и старое пойдет за новое, т. е. за исправленное. Рукопись Межова пришлю, а вместе и стихотворения, которые Вы желаете иметь. Теперь все мое стадо разбросано — надобно созвать его. . . Приступить к печатанию книги теперь рано. У меня еще в запасе довольно стихотворений, которые нужно докончить, другие отшлифовать. Все это надеюсь сделать в течение июля в Петергофе, где засяду безвыездно на месяц и более. Эти стихотворения нужно также парковать по стойлам, следовательно, нужно, чтобы весь скотный двор был налице. В августе надеюсь быть в Москве, и тогда можно будет все окончательно уладить. Кажется, ранее зимы книжке незачем и выходить».

Сопоставив письма издателя и автора, нельзя не заметить, что их позиции не совсем совпадают. Если Лонгинов относится к выработанному в Москве проекту книги как к окончательному и после небольших текстологических доработок считает возможным «приступить к делу» (к печатанию), то поэт далек от мысли о скором завершении подготовки сборника. Он предлагает печатать книгу не ранее зимы, а до этого времени рассчитывает основательно дополнить издание, просмотреть и выправить отобранные и еще раз встретиться с издателем для окончательного утверждения состава и композиции сборника.

О большой работе Вяземского по отбору новых и старых стихотворений для будущего избранного собрания свидетельствует следующее письмо поэта к Лонгинову от 23 июля 1861 года. Сообщая в нем о запланированной на вторую половину августа поездке в Москву, Вяземский писал: «Дальнейшие мои материалы для избушки, которую Вы из меня строите, готовятся. Знаете ли, что чуть ли не третью придется расширить постройку. Отыскал я старое, да и новое помаленьку растет». Однако никаких конкретных указаний, касающихся расширения и уточнения состава сборника, это письмо (как и предыдущее) не содержит, если

не считать следующего мелкого замечания: «В присланном Вами „Оглавлении“ не нахожу заметок на слова „огромный и громадный“ и, кажется, еще каких-то». Речь идет о стихотворном фельетоне «Зачем мудрить головоломно. . .», который Лонгинов ошибочно присоединил к заметке «Когда Карамзина не стало. . .», поскольку в автографе, с которого он снимал копию,²³ эти «заметки» плохо отделены друг от друга (в виде единого текста они напечатаны и в сборнике). Следует иметь в виду, что на проекте оглавления Вяземский пометил отсутствие еще двух «заметок» — «Смешон и жалок не Белинский. . .» и «О красных», — которые были включены в список, но первая под авторским заглавием, а вторая — по первому стиху. В указанном письме Вяземский не упоминает о них, как и не пишет об изъятии «Поручения в Ревель». Все это еще раз говорит о том, что вопрос о составе сборника он оставлял открытым.

Из-за семейных обстоятельств поездка Вяземского в Москву в августе не состоялась. На три месяца работа автора с издателем и их переписка прерываются, если не считать записки Вяземского от 6 сентября, в которой между прочими делами, не относящимися к сборнику, содержится предупреждение, что поэт «не может быть в Москве ранее октября».

Эпистолярная связь восстанавливается письмом Вяземского от 8 ноября. Оно начинается с сообщения дополнительной строфы к стихотворению «Здесь зубастая природа. . .», которую автор просил внести в основной текст (Лонгинов вписал ее своей рукой на копию в наборной рукописи). Заметим, что это единственная доработка текста, сообщенная автором издателю за все время их переписки. Далее в том же письме Вяземский спрашивает: «Не можете ли прислать мне список оглавления стихотворений в том порядке, в каком намерены Вы их разместить? И сколько приблизительно может выйти страниц?» И прибавляет: «Я так мало виделся с Вами и так зачитал Вас стихами своими, что не успел сообщить Вам. . .» (дальнейший текст письма не имеет отношения к истории сборника).

Из приведенного фрагмента письма явствует, что Вяземский, как и предполагал, посетил осенью Москву, но за краткостью встречи с издателем не успел обговорить даже размещение новых текстов в сборнике. Лонгинов должен был сделать это сам и выслать автору новое «Оглавление». Вместо обещанного расширения состава книги на треть поэт оставил издателю лишь десять новых авторизованных копий (среди них и копию бывшего в старом списке стихотворения «Берлин»). Кроме этих рукописей, никаких других следов работы Вяземского над книгой со времени первого визита поэта в Москву в архиве Лонгинова не сохранилось; вероятно, ее и не было.

Именно с этого момента издатель берет инициативу в свои руки. В ответном письме от 14 ноября он пишет: «Ваше письмо (от 8 ноября. — К. К.) пришло в то время, когда я окончил

распоряжение для печатания, которое начнется на днях. Считаю нелишним сообщить Вам некоторые подробности по хозяйственной части издания. Во-первых, никаких предварительных денежных затрат не будет. По окончании завода, т. е. 1200 экземпляров, я полагаю назначить цену каждому в продаже 2 р. 50 коп. сер(ебром), что недорого для книги, в которой будет до 40 печатных листов примерно». Далее Лонгинов приводит финансовые расчеты, из которых следует, что продажа половины тиража покроет расходы, а остальные 600 экземпляров останутся «в полном распоряжении» автора. Письмо заканчивается фразой: «На днях приступаю к печати».

К этому письму примыкает недатированная записка, в которой Лонгинов указывает, что «в настоящую минуту типография приступает к печатанию первого листа», и просит «в возможной скорости» доставить: «1) поправки к пьесе „Послание к Языкову“, напечатанной в „Новоселье“ 1834 года с страшными опечатками. . . 2) стихи на картину Иванова. . . 3) недостающий стих в пьесе „Берлин“. . . 4) посланный. . . лист с предполагавшимися поправками. . . Там указан недостающий стих в пьесе „Баден-Баден“».

При письме от 14 ноября издатель высылает новый список «Оглавления» первой части книги. Он сохранился в архиве Вяземского.²⁴ «Оглавление» это полностью соответствует составу первой части печатной книги (если не считать случайно пропущенного стихотворения «Русской крылатой дружине») и ее структуре. По сравнению же с предыдущим проектом «Оглавления» первая часть дополнилась восемью новыми текстами, привезенными Вяземским в Москву во второй приезд, и одним старым стихотворением («К Языкову», 1832), которое Лонгинов, по договоренности с автором, должен был напечатать по альманаху «Новоселье».

Иначе говоря, в ноябре 1861 года издатель приступил к печатанию книги по прежнему плану. Как мы видели, план этот складывался на материале в достаточной степени случайном. Во всяком случае, в отборе его не было четкого единого принципа, необходимого при составлении избранного собрания. В дальнейшем тексты в сборнике комплектовались по двум параметрам — тематическому (стихотворения с «дорожной» тематикой) и хронологическому (плоды литературной деятельности поэта за последние двадцать пять лет). Сложившийся таким образом «гибридный» тип издания оказался неудачным и нерепрезентативным: сюда не попали лучшие произведения поэта 1810—1830-х годов и вошли случайные «заметки» последних лет, которые и послужили материалом для пародий в сатирической периодике 1860-х годов.

В отличие от издателя, полагавшего, что для сдачи книги в типографию не хватает лишь одного текста и нескольких авторских разъяснений дефектных мест, Вяземский все еще не считал подготовительный этап работы завершенным. В письме от 23 ноября он планировал, во-первых, вычитку и проверку ранее опубли-

кованных текстов, в частности послания «К Языкову». «Вообще должно остерегаться печатных текстов стихов моих, — предупреждал он издателя. — Я думаю, недоброжелатели мои подкупали наборщиков и корректоров, чтобы они печатали меня с ошибками». Во-вторых, он хочет переделать и сократить стихотворение «Станция»: «Сколько мне помнится, она немного растянута, и я еду на долгих». В-третьих, поэт еще не решил, как озаглавить последний отдел книги: «Заметки», «Заметки и силуэтки» или «Заметки и ракетки». И, наконец, в-четвертых, он все еще продолжает отбирать новые тексты для сборника. «Я отыскал еще три стихотворения для дорожной части, — пишет он в том же письме. — Одно принадлежит „России“, другое — „Ночь на железной дороге“ — „Германии“, третье — „Ферней“ — „Швейцарии“. Для „Дома“ тоже нашлось несколько стихотворений». Здесь же он обещает отыскать «стихи к Иванову» и недостающие строки «к другим пьесам» («Берлин» и «Баден-Баден»).

Почти ни одно из планируемых дел Вяземский исполнить не успел. Тяжелый приступ нервного расстройства, которым он страдал последние тридцать лет жизни, заставил его прекратить работу. «Я опять нездоров и застрадал бессонницею, никуда и ни на что не гоюсь, — сообщал он издателю в следующем письме от 13 декабря. — Много лежит у меня подготовленного материала, но порядком заняться им теперь не могу. Не издать ли в двух частях, т. е. что Вы уже имеете назвать первую частью? А пока вот Иванов (послание «Александрю Андреевичу Иванову». — К. К.) и еще заметка. . .» Далее рукою копииста переписан стихотворный фельетон «По мне — он просто скучный враль. . .» — последнее стихотворение, которым был расширен состав сборника.

В ответном письме от 23 декабря издатель выражал сожаление по поводу болезни поэта, просил позволения печатать «Станцию» «по-старому», а текст «К Языкову» на исправление не посылать. «Что же касается до разделения книги на две части, — писал Лонгинов, — это легко может быть исполнено, ибо обертка печатается после. Начнем с того, что есть, а потом увидим. Прошу покорнейше выслать мне как можно скорее 3 пьесы для „В дороге“ — одно к „России“, второе „Ночь на железной дороге“ («Германия») и третье „Ферней“, о коих Вы писали ко мне. Также прошу написать недостающий стих в пьесе „Берлин“. . .»

Просьбы и предложения Лонгинова остались без ответа. 26 декабря 1861 года Вяземский покинул Петербург, выехав «по Варшавской железной дороге за границу для излечения от болезни».²⁵ Издателю ничего не оставалось, как приступить к печатанию без трех указанных «пьес», по непроверенным публикациям, вводя собственные поправки в недоработанные тексты (впрочем, на многие из них автор согласился в приведенном выше письме от 24 июня). А из стихотворения «Берлин» Лонгинов изъял семь строк, бессмысленных пропуском стиха. Подобные вмешательства в текст, равно как и введе-

ние неавторских заглавий (что сплошь и рядом позволял себе Лонгинов), не считались в то время выходящими за рамки издательских и редакторских полномочий. Не случайно Вяземский, внимательно просматривавший в конце жизни сборник, нигде не отметил подобные вольности.

Как мы указали в начале статьи, раздражение поэта вызвал в основном состав книги. «Лонгинов напечатал многое из старых стихов моих, чего не напечатал бы я», — написал он на обороте титульного листа сборника. Особенно Вяземский остался недоволен отделом «Заметки», многие стихотворения которого, он зачеркнул на собственном экземпляре книги, а против одного из них («Покажется она. . .») приписал: «Охота была издателям печатать эту дрянь, а оставлять в стороне другие мои стихи, которые можно было бы без греха сохранить». Из обзора истории издания становится очевидным, что претензии автора к издателю неправомерны: Лонгинов включил в книгу отобранные поэтом тексты.

Вероятно, облик будущего издания не запечатлелся в памяти Вяземского. Этому способствовали и развивавшаяся болезнь, и спазматический характер его работы. Он недостаточно четко представлял себе состав и объем книги и, как свидетельствуют пометы на «Оглавлении», даже плохо помнил названия и первые строчки некоторых оставленных издателю «заметок». Кроме того, поэт все время помышлял о расширении объема, сначала «чуть ли не третью», потом целым томом. Эти дополнительные материалы, бывшие у него под рукой, вероятно, более четко зафиксировались в его сознании, чем переданные Лонгинову. В силу произошедшей аберрации несоответствие осуществленного издания нереализованному замыслу (на последнем этапе — это двухтомное собрание стихотворений) и вызвало недовольство поэта.

История издания позволяет также понять, почему авторский замысел двухтомного издания, равно как и другие издательские предприятия Вяземского, не осуществился. Дело здесь не только в болезни, но и в самом темпе и ритме подготовительной работы: за энергичным началом — сбором и отбором текстов — наступали бездействие и апатия. Издательская пассивность Вяземского, помимо ряда объективных причин, вызвана была одной психологической особенностью поэта: он испытывал неприязнь и даже отвращение к своим завершенным произведениям. «Люблю только *писуемое*, а *написанное мною* никакого удовольствия мне не приносит. Становлюсь не только равнодушен к нему, но часто и жестокосердым, — признавался он. — Не умею исправлять себя. Охотнее и скорее напишу пять новых листов, нежели переправлю один».²⁶ Отобранные для издания стихотворения Вяземский считал нужным переработать (о чем писал и Лонгинову), но не мог заставить себя вернуться к ним. Таким образом, в процессе работы над сборником «В дороге и дома» у поэта скопилось большое количество стихотворений, которые он все собирался исправить и включить в книгу, но так и не выслал Лонги-

нову. Остались недоработанными и некоторые тексты, уже переданные в распоряжение издателя.

И, наконец, история издания вскрывает степень авторитетности текстов, опубликованных в сборнике. Можно с уверенностью сказать, что поэт не работал с наборной рукописью и не держал корректуру. Поэтому собственно печатные тексты неавторитетны. Основными текстами для стихотворений сборника следует считать: 1) авторизованные копии в наборной рукописи; 2) автографы и авторизованные копии в других единицах лонгиновского фонда — в тех случаях, когда эти стихотворения представлены в наборной рукописи копиями Лонгинова; копии в наборной рукописи не просматривались поэтом и подчас дефектны за счет указанной выше издательской правки или механических ошибок: неверного прочтения слов, пропуска строфы, слияния двух текстов в один (отмеченный выше случай) и т. д.; 3) при отсутствии авторитетных текстов в архиве Лонгинова следует обратиться к тому источнику, которым должен был воспользоваться издатель для восполнения лакун, а именно к авторизованным копиям межовского собрания и — лишь в последнюю очередь — к печатному источнику.

В заключение скажем несколько слов о дальнейшей истории сборника. Он вышел из типографии в начале октября 1862 года тиражом 1186 экземпляров. Тридцать пять из них были розданы в цензуру и другие официальные инстанции. Остальные переданы Лонгиновым в Чертковскую библиотеку П. И. Бартенева, который принял на себя половину издержек по изданию.

Первое время книга имела некоторый читательский спрос. Уже к 10 октября было передано в магазины 160 экземпляров, через месяц продано еще столько же. К началу 1864 года разошлось около 500 экземпляров, что окупило издательские издержки. Радуюсь успеху сборника, Лонгинов писал Вяземскому 10(22) февраля 1864 года: «. . . слава богу, здоровый смысл и вкус не вовсе вымерли еще на Руси; расход 500 экземпляров в год, при застое книжной торговли и при озабоченности общества, может даже почтяться результатом, далеко не многим доступным».

Однако в дальнейшем темпы продажи резко сократились и сошли на нет. 28 ноября 1865 года П. И. Бартенев сообщал Я. К. Гроту, что сборник Вяземского «не раскупается, несмотря на публикации».²⁷ И дело было не только в качестве издания. Не поэтической была сама эпоха; в небытие отступало и имя автора. Время было упущено или еще не наступило. Эпиграммы, сатирические послания, мадригалы и элегии Вяземского, в которых Карамзин и Дмитриев, Батюшков и Жуковский, молодой Пушкин и Баратынский признавали недюжинное поэтическое дарование, к середине 1860-х годов стали анахронизмом. Для стихов же «позднего» Вяземского еще не «настал черед».

Сам поэт вспомнил о книге только в начале февраля 1864 года и снова забыл на деся-

тилетие.²⁸ В 1874 году, приступая к сбору материалов для своего полного собрания сочинений, он обратился к Н. П. Барсукову и П. И. Бартеневу с просьбой выслать ему несколько экземпляров сборника. В одном из писем к последнему содержится грустно-шутливый экспромт поэта, где история его единственного прижизненного издания изложена следующим образом:

Князь Вяземский,
российских стран писатель, —
Другой Хвостов:
Он сам был свой издатель,
Единственный читатель,
Единый покупатель
Своих стихов.²⁹

Почти через месяц после смерти поэта Бартенева оповестил его сына: «Напечатанная Лонгиновым книга „В дороге и дома“, по желанию князя и по отъезде Лонгинова из Москвы, продавалась в конторе „Русского“ архива“, и князь получал за нее деньги. Ныне осталось ее непроданных 18 экземпляров».³⁰

¹ Из письма П. И. Бартенева Я. К. Гроту от 5 октября 1862 года (ЛО ААН. Ф. 137. Оп. 3. № 55. Л. 43, об.; источник сообщен А. Л. Осповатом).

² ГБЛ. Отдел редкой книги. Шифр МК XII. А. 7/8.

³ Там же. С. 339.

⁴ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. I. С. LV—LVI.

⁵ ЛО ААН. Ф. 137. Оп. 3. № 55. Л. 46.

⁶ Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика Петра Андреевича Вяземского. СПб., 1861. С. 12.

⁷ ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 2193. Л. 2. Далее письма Лонгинова к Вяземскому из этой единицы хранения цитируются без повторения ссылок.

⁸ ГБЛ. Ф. 63.I.I (первая тетрадь); ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 891 и 892 (вторая и третья тетради).

⁹ Русское слово. 1861. № 4. С. 29.

¹⁰ Русский вестник. 1861. № 4. С. 102 (вторая пагинация).

¹¹ ИРЛИ. № 23138. Л. 1, об. — 2. Далее письма Вяземского Лонгинову из этой единицы хранения цитируются без повторения ссылок.

¹² См. анонс издания в заметке Лонгинова «Толки и недоразумения» (Русский вестник. 1861. № 6. С. 121).

¹³ ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1133. Л. 4.

¹⁴ ИРЛИ. № 23514.

¹⁵ Автографы их в виде отдельной тетрадки сохранились в архиве Лонгинова (ИРЛИ. № 23536).

¹⁶ В расшитом виде листы из нее хранятся в различных единицах хранения фонда Лонгинова; указанные шесть автографов составили отдельную единицу хранения: ИРЛИ. № 23531.

¹⁷ ИРЛИ. № 23514. Л. 3—5, об.

¹⁸ Помета на «заметке» «Как нарочно...» (ИРЛИ. № 23525. Л. 1).

¹⁹ ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1176. Л. 1—4.

²⁰ Помета под стихотворением «Роза и кипарис» в третьей тетради из межовского собрания (ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 892).

²¹ См. помету в записной книжке под этим числом: «Лонгинову с рукописью Межова» (ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1133. Л. 4).

²² ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 886. Л. 27—28, об.

²³ ИРЛИ. № 23545. Л. 3—4.

²⁴ ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1176. Л. 5—6, об.

²⁵ Текст официального ответа, посланного на запрос П. А. Плетнева (ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. № 136. Л. 238).

²⁶ Из письма Вяземского Я. К. Гроту от 5(17) апреля 1877 года (Старина и новизна. 1909. Кн. 13. С. 31—32).

²⁷ ЛО ААН. Ф. 137. Оп. 3. № 57. Л. 24.

²⁸ 10 февраля 1864 года датировано письмо Лонгинова Вяземскому, которое, по всей видимости, является ответом на авторский запрос о судьбе книги; тогда же Лонгинов посылает автору сборник (ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 2193. Л. 22, об. — 23).

²⁹ Недатированное письмо Вяземского П. И. Бартеневу (ЦГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. № 569. Л. 68).

³⁰ Письмо от 5 декабря 1878 года (ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 3984. Л. 13—14).